

Данная статья посвящена выявлению культурных смыслов единиц соматического кода в разноструктурных языках двух лингвокультурных сообществ – английского и русского. Соматизмы часто рассматриваются как этнокультурные тексты, которые могут быть прочитаны и истолкованы лишь в контексте культурных смыслов, передаваемых через те или иные знаки культуры: архетипы, мифы, стереотипы, эталоны, символы, обычаи, традиции, ритуалы.

The article focuses on the identification of ecultural meanings of somatic code items functioning in different-structure languages in two linguocultural communities – English and Russian. Somatisms (body parts names) are often regarded as ethnocultural texts which can only be read and interpreted in the context of cultural meanings rendered by certain cultural signs: archetypes, samples, symbols, customs, traditions, rituals.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, соматизм, коды культуры, культурный смысл.

Keywords: linguo-culturology, concept, somatism, codes of culture, cultural meaning.

Антропоцентрический поворот в лингвистике перевел в центр проблему взаимосвязи языка, культуры и человека как носителя языка и культуры. В работах лингвокультурологической направленности широко используются такие понятия, как *культурная семантика*, *культурный компонент*, *культурная коннотация*, *концепт*, *культурная модель*, *культурный смысл*. Однако работы на эту тему показывают, что описание культурного компонента в языке – область достаточно сложновывчлняемая и не вполне устоявшаяся.

Ряд ученых (В. Г. Гак, С. Е. Никитина) настаивают на существовании и означивании в языке культурных универсалий; следовательно, культурное и национальное должно различаться. Этнолингвистами и лингвокультурологами для описания культурного компонента избирается панхронический (по В. Н. Телия) подход: ретроспективность описания культурного в языковом знаке соединяется с идеей «оживления» культурных смыслов в новых сочетаниях слов, с идеей существования и развития базовых метафор и тем самым осуществлением в языке трансляции культуры. Знания, установки, предписания культуры транслируются из поколения в поколение, осознанно или бессознательно, в зависимости от компетенции субъекта речи, от его способности улавливать в сказанном идеи культуры. Осуществляется воспроизводимость, трансформация и даже модификация культурных смыслов.

В современной этнолингвистике изучение традиционной культуры осуществляется на трех уровнях – собственно семантическом, который представлен лексическими значениями слов, мотивационном, который заключается в выявлении общей модели, мотивационного признака у слов, вещей и действий в обряде, игре и т. п. Наконец, третий уровень раскрывает культурную семантику вербальных и невербальных знаков. Е. Л. Березович называет его уровнем «культурной семантической надстройки» [2, с. 23 – 24].

Лингвокультурологи исследуют язык как вербальный код культуры, как важнейшее, оптимальное средство для означивания культурных смыслов, но средство не единственное – культура воплощает свои

смыслы в разных семиотических знаках – предметах, действиях, изображениях и т. п.

В процессе становления культуры выработались концепты, образующие концептосферу, или духовное пространство, пространство культурных смыслов, ценностнозначимых для понимания мира. Концепты, по Н. Д. Арутюновой, это своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром. Особенно важными оказываются концепты, хорошо разработанные в той или иной культуре. Культурные смыслы, формирующие концепт, стали предметом разнообразной рефлексии в языке культуры, в разных ее кодах – в обряде, ритуале, живописи, скульптуре и, главное, – в языке.

В современной лингвистике получило широкое распространение предложенное В. В. Красных понятие культурного кода «как “сетки”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [8, с. 232]. О кодах культуры как понятийной и методологической основе лингвокультурологии см. также в [6, с. 30 – 33; 7, с. 60 – 65].

Соматический код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Существование этого кода является универсальным. Однако соматические коды разных лингвокультур, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием. Части тела, играя символическую роль в мифопоэтической картине мира, выступают как эталонные носители тех или иных качеств человека, отражают опыт народа, говорящего на данном языке. Например: в английской лингвокультуре живот символизирует храбрость и решительность: *have the stomach for something, a strong stomach, get enough guts to do smth.* В русской лингвокультуре живот – это (как гласит внутренняя форма слова) жизнь. Данное представление о животе находит отражение в образе фразеологизмов: *положить живот за кого-н.; класть душу и живот; даровать живот; не на живот, а на смерть; кончать живот; не щадить живота своего.*

Несмотря на универсальность понятийных значений соматизмов, английская и русская языковые картины мира обнаруживают определенную специфику в комбинаторике ассоциативных признаков данных концептов.

Так, например, в обеих культурах рот связывался с говорением и речью: *открыть рот* 'заговорить', *keep one's mouth shut* 'keep quiet', *передавать из уст в уста* 'распространять слух, вести', *by word of mouth* 'orally', *золотые уста* 'о красноречивом человеке', *big mouth* 'loquacious'.

В русских приметах и поверьях рот, особенно открытый, ассоциировался со сплетнями и болтовней: *На всякий роток не накинешь платок*. Тема «замыкания» чужих злых ртов – одна из самых популярных в заговорах, оберегах и проклятиях. В значительной мере она основана на метафорическом отождествлении рта с замком, который можно замкнуть и отомкнуть [1, с. 481]: *Чужой рот не свои ворота, не затворишь. Рот не огород, не затворишь ворот*.

В английских фразеологических единицах рот как орган речи связан с целым спектром значений: праздною болтовней (*run off at the mouth, diarrhea of the mouth*), хвастовством (*be a loud mouth, shoot off one's mouth*), бестактностью (*foot in one's mouth*), руганью (*to rail full mouth, foul-mouthed, (Do) you eat with that mouth?*), неискренностью (*talk out of both sides of your mouth, mealy-mouthed, butter wouldn't melt in one's mouth*).

Немногочисленные фразеологизмы с компонентом спина тем не менее важны для русского менталитета, ибо с ним связано, во-первых, понятие тяжелого, непосильного труда (*гнуть спину, ломать спину* (хребет, горб), *не разгибая спины*), а во-вторых, спина – это надежная защита, отсюда фразеологические единицы – *за широкой спиной, жить за чьей-либо спиной* и др.

В английских идиомах с компонентом back на первый план выдвигается идея уязвимости спины: *watch one's back, with one's back up against the wall, stab one in the back*. Но иногда спина может служить поддержкой и опорой: *have somebody at one's back*. Спина в английской лингвокультуре также является символом силы и тяжелой работы: *strong backs, put one's back into it*.

Символ – это продукт человеческого сознания. С древнейших времен человек прибегал к символизации окружающего его мира, таким образом, символ выступает специфическим элементом кодирования культурного пространства. Языковые символы имеют архетипическую природу. Они объединяют разные планы реальности в единое целое в процессе семантической деятельности в той или иной культуре [9, с. 97, 99]. Кодирование культурного пространства посредством символов человек начинает с самого себя, поэтому различные соматизмы выполняют функцию символов.

Согласно современным толковым словарям русского языка, *выя* является устаревшим или поэтическим обозначением шеи: «ВЫЯ (и, ж.) (книжн. устар.) Шея. *Над мглой космической он пел, развев власы и выгнув выя* (Белый)» [12]. «Выя – (и; ж.) трад. поэт. =

Шея. * *Иные все ещё ласкают выи Каракулем своих воротников* (Мартынов) [5].

В Большом медицинском словаре *выя* определяется как задняя часть шеи (БМС). Сравните у В. Даля: «ВЫЯ ж. шея, а более хребтовая и боковые части ее; завой, завоек. Высокая выя – гордость; непреклонная – упорство» [11].

Наряду с языковой семантикой, лексема *выя* характеризуется дополнительной культурной семантикой – определенной символической значимостью, утвердившейся в мировой культуре и имеющей свое преломление в представлениях русской национально-культурной общности.

Благодаря свойству сгибаться, клониться, *выя* (шея) часто символизирует гордость, упрямство (*Но они и отцы наши упрямятовали, и шею свою держали упрugo, и не слушали заповедей Твоих* (Неем.9:16) [3]), или подчинение: «Склонять/склонить, сгибать/согнуть и т. п. *выю* перед кем-л. — покоряться, подчиняться кому-л.» (*Перед сатрапом горделивым Израиль выи не склонил* (Пушкин)). *Гнуть шею* (перед кем-л.) – унижаться, раболепствовать; угождать, заискивать. – *Неволя заставила его жениться, неволя заставляла гнуть шею перед батюшкою, перед всем приходом* (Гл. Успенский).

Лексема *хомут*, т. е. надеваемая на шею часть конской упряжи, строго говоря, не является синонимом *шеи*, но в своем переносном значении употребляется для обозначения обузы, неприятных забот (*у него хомут на шее; как хомут на шее; надел на себя хомут*). Ср.: [Евгения:] *И не женись. Что тебе за неволя, хомут-то на шею надевать!* (А. Островский). — *Надел хомут, так тяни. Этак и всякий скажет, что хочу спастись, когда ему трудно покажется вести и кормить семью* (Л. Н. Толстой).

С данным культурным смыслом связан ряд пословиц и фразеологизмов с компонентом *шея*: *Подставь только шею, так и насыдут. Была бы шея (плеча), а хомут найдем* [11].

Лексема *шея* фигурирует в некоторых пословицах о пьянстве: *Хоть шея коротка, а достает носом до дна. Шея чешется к пирушке либо к побоям* [11].

Кадык – передняя, выступающая часть щитовидного хряща шеи, выражен только у мужчин. Интересно, что выражение «залить за кадык» означает «выпить спиртного», «напиться»; из этого-то выражения и образовалось прилагательное *закадычный*, которое в сочетании *закадычный друг* первоначально означало «друг по застолью, по выпивке» и лишь впоследствии приобрело значение «задушевный», «близкий». Ср.: *Он с Титычем был приятель закадычный: пили, гуляли сообща* (П. И. Мельников). *Да знаешь ли, мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе* (М.Ю. Лермонтов). *Закадык у него не водилось, хотя и все были товарищи на "ты", и никто на него никогда не злобствовал* (Боборыкин) [4].

На формирование концепта *грудь* в русской языковой картине мира повлияла библейская традиция. *Библейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона* сообщает нам, что «в новозаветные времена люди за трапезой возлежали рядом друг с другом, опираясь на левую руку. Если возлежавший отклонялся назад, его голова оказывалась на уровне груди соседа по столу

слева. Поэтому место справа от хозяина дома считалось особенно почетным. Во время Тайной Вечери это место занимал Иоанн (Ин 13:23,25; 21:20)». Для называния данного почетного места у груди хозяина в русском переводе Нового Завета используется синоним слова грудь – «лоно». Данная лексема входит в целый ряд устойчивых выражений, например, «лоно Авраамово» (Лк 16:22,23) или «в лоне церкви», «на лоне природы» [3].

Словарь Ушакова отмечает данное значение слова *лоно*:

«1. Грудь, утроба, недра, как символ ласки, нежности, материнства, чаще в выражении:

на лоне чьем — на коленях, на руках, у груди. Младенец... кормилицы к лону с криком припал (Гндч.). На лоне матери.

2. То же в олицетворениях (первонач. о церкви, а затем шутл. или ирон. о какой-н. организации, каком-н. объединении и т. п.). Принять в л. католической церкви.

3. То же в поэтических образах в знач. поверхность; то, на чем можно возлежать, к чему можно прилечь и т. п. (редко). На лоне скуки безотрадной (Пушк.). На красных лапках гусь тяжелый, задумав плыть по лону вод, ступает бережно на лед (Пушк.)» [12].

В английском языке большое распространение получило представление о груди как о символе ласки, тепла, заботы (очевидно, связанное с образом матери, держащей ребенка у груди): *in the bosom of the family*; *Abraham's bosom*; *Our Lord carries his lambs in his bosom*, i.e., *has a tender, watchful care over them* (Isa. 40:11) [13].

Идея интимности реализуется в атрибутивном использовании слова-синонима *bosom* в выражении *bosom friend* – закадычный друг (сравните с русским словом «наперсник»): *No second man on earth has such a bosom friend* [15].

Нитевидность и малая толщина волоса являются общими семантиками у лексем *волосы* и *hair*, что нашло отражение в большом количестве фразеологизмов русского и английского языков: *на волосок от смерти*; *ни на волос*; *В эту пору дружба моя с Дмитрием держалась только на волоске* (Л. Н. Толстой); *to lose by a hair*; *Enemy forces are within a hair's breadth of the city*; *John isn't failing geometry, but his passing grade is just hanging by a hair*.

Необходимо отметить, что *волосы-hair* тесно связаны с различными эмоциями. Так, например, и русская, и английская фразеология отражают связь между сильным страхом и соматической реакцией на него – встающими дыбом волосами: *make someone's hair stand on end*; *волосы дыбом становятся*. Этноспецифичным для английского языка является ассоциативно-образная связь между волосами и сильным раздражением: *get in someone's hair*; *get someone out of one's hair*. Оба языка сохранили древние представления о ритуальной необходимости рвать на себе волосы (посыпать голову пеплом), глубоко скорбя о несчастье, ср. в англ. *tear one's hair*.

Для русской языковой картины характерно наличие большого количества пословиц, подчеркивающих приоритет душевных качеств перед привлекательной

внешностью: *Личико беленько, да разуму маленько. Личиком беленок, да душой черненок. Личиком беленок, да умом простенок. С личика яичко, а внутри болтун. Лицо образ Божий. Непригож лицом, да хорош умом. Не гляди на лицо, а гляди на обычай. С лица не воду пить, умела бы пироги печь, жена* [11].

Этноспецифичным для английского языка является метафорическое переосмысление лица как бесстыдства, нахальства и дерзости: *had the face to question my judgment*. Еще одно интересное значение, заимствованное в китайском языке, но получившее широкое распространение в английской лингвокультуре – лицо как социальное понятие – «репутация, статус в глазах общества»: *Are the ministers involved more interested in saving face than telling the truth?* Из этого значения уже на английской почве развилось значение «уверенность в себе»: *The team managed to maintain a firm face even in times of great adversity*.

Особый интерес представляют так называемые «образные сравнения», большинство из которых не совпадают в разных языках. То, что представители одной культуры выделяют и подчёркивают одни свойства соматизмов, а представители другой культуры – другие свойства, нередко объясняется «мифологическим контекстом». Свойства, которыми наделены разные части тела в сказках, мифах, пословицах, литературе одной культуры, закреплены в сознании носителей данной культуры, и тот или иной признак впоследствии ассоциируется с конкретной частью тела. Сопоставительный анализ семантики соматизмов *лицо* и *face* в сравнительных конструкциях с союзом *like/as*, как, позволяет выявить подобные различия:

Лицо как полотно, лицо как мрамор, лицо как кипень, лицо как кора, лицо пылает как заря, лицо как день Востока, лицо как день, лицо как ночь, лицо как яичко, лицо как стеарин, лицо как круглая луна, лицо как маска, лицо как у мадонны, лицо как воск, лицо как икона, лицо как огонь, лицо как солнце в тучах, лицо как персик, лицо как у лошади [10].

Face as a tin pie pan, face as a walnut, face as an autumn, face as a china plate, face clear as a cloud, face like thunder, face ... dry and immobile, like a mummy's, face ... heavy as a sack, face is like the Milky Way in the sky, face lean as a hatchet, face like a pie, face ... like a badly packed suitcase, face like a bad orange, face... like a beaked bird, face like a butcher's block, face like a fiddle and everyone who sees him must love him [14].

Итак, соматический код культуры, будучи составляющей языковой картины мира, закрепляется в лексике, фразеологии, паремииологии и, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, среду его обитания, способствует выявлению универсальных и национально-специфических особенностей.

Соматические стереотипы, символы, образы, эталоны в английском и русском языках, выступая стимулятором эмоциональной реакции, являясь основой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т. е. являются этноспецифичными.

В зеркале соматических метафор и сравнений отражается духовная сфера: человек и его нравственная сущность, волевые, эмоциональные, интеллектуаль-

ные действия и состояния, черты характера, отношение к другим людям, к себе, к вещам.

Пересечение в области коннотации соматических метафор в разных языках свидетельствует о частичной общности образного фонда сравниваемых культур, а также об определенной содержательной константе сопоставляемых языков.

Различие в области коннотации соматических метафор свидетельствует о различии путей, по которым развивались сравниваемые культуры. Специфический

набор признаков, отражающих образное переосмысление лексики, называющей части тела, в каждом языке своеобразен. Непересечение коннотативной системы соматических метафор в сопоставляемых языках является следствием несхожести экстралингвистических факторов (истории, культуры, сознания, подсознания, религий, географии), что подтверждает независимое развитие каждой из сравниваемых лингвокультур.

Литература

1. Агапкина, Т. А. Рот / Т. А. Агапкина // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – Т. 4: П (Переправа через воду). – С (Сито). – М.: Международные отношения, 2009.
2. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
3. Библийская энциклопедия Брокгауза. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc_bible
4. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. Ковшова, М. Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования / М. Л. Ковшова // Славянские языки и культура: материалы Межд. науч. конф.: в 2 т. – Т. 1: Знание. Язык. Культура / отв. ред. В. Т. Бондаренко. – Тула: ТПГУ им. Л. Н. Толстого, 2007.
7. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. – Серия: Литературы и языки. – М., 2008. – Т. 67. – № 2.
8. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
10. Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/index.html>
11. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Режим доступа: <http://slovari.-yandex.ru/dict/dal>
12. Толковый словарь русского языка Ушакова. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov>.
13. Easton's Bible Dictionary, 1987. – Режим доступа: <http://eastonsbibledictionary.com>.
14. Similes Dictionary, 1st Edition. The Gale Group, Inc. – Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com>
15. Webster's New World Dictionary of Quotations Copyright Chambers Harrap Publishers Ltd. – Режим доступа: <http://www.yourdictionary.com/quotes>

Информация об авторе:

Баикатова Юлия Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии № 2, докторант кафедры исторического языкознания и славянских языков КемГУ, +7-906-985-05-26, stbua@mail.ru.

Bashkatova Yulia Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of English Philology № 2 of KemSU, Doctoral Student.